

10 ЛЕОНИДОВ
Народный артист Союза ССР

Театр художественной правды

В 1895 году, будучи еще учеником Московского театрального училища, слышала я об очень талантливом актере-любителе К. С. Алексееве. Он возглавлял Общество искусства и литературы и выступал под фамилией Станиславского. Мне довелось увидеть только один спектакль Общества, поставленный Станиславским. Спектакль этот произвел огромное впечатление. Чувствовалось что-то совсем новое. Очень смело ломались традиции старого театра. Знал я и Филармоническое театральное училище, драматическое отделение которого вел В. И. Немирович-Данченко. Через некоторое время, когда я работал в провинции, обе группы — Общество любителей искусства и литературы во главе со Станиславским и выпускники Филармонии во главе с Немировичем-Данченко объединились и образовали Московский Художественный общедоступный театр.

Первый спектакль его состоялся 27 октября 1898 года. Шел «Царь Федор Иоаннович». Царя Федора играл И. М. Москвин, ныне депутат Верховного Совета СССР, народный артист Союза ССР, орденововец.

Так начал свою деятельность МХАТ, которому скоро исполняется 40 лет.

Впервые я увидел спектакли Художественного театра, будучи актером театра Корша в Москве. Меня познакомили со Станиславским. На его вопрос — как мне нравится театр, я признался, что спектакли его являются для меня откровением. Поражали изумительная правдивость, смелые изыскания, слаженность спектаклей, детальная разработка небольших ролей. Меня, воспитанного на провинциальной сцене, все это интересовало, волновало, захватывало.

Через год я поступил в Художественный театр. В это время театр работал над пьесой А. М. Горького «На дне».

К этому времени относится и мое знакомство с Горьким. В один из спектаклей «На дне» вхожу я в кабинет дирекции, смотрю — Горький. Узнал его по многочисленным портретам, которые мне приходилось видеть. Приятная улыбка, молодой, много курит. Впечатление, что сам не верит в потрясающий успех пьесы. Забавен он был, когда ему приходилось выходить на настоящие вызовы публики. Отмахивался руками, что-то про себя бормотал, смеялся.

В Художественном театре обращали на себя внимание структура, навыки, обычаи, дисциплина, крепко спаянный коллектив. Все для театра, все для искусства.

Что бы тебе ни поручали, все выполнялось тщательно, с любовью. Разговоров о том, что, мол, эта роль мне не нравится, никто и не думал похмыкать. Сегодня играешь центральную роль, а завтра — «на выходе». И над «выходной» ролью задумываешься и стараешься, точно Гамлета играешь. Много лет спустя был случай, когда кто-то выразил недовольство в связи с получением маленькой роли. Станиславский загрипировался, оделся и принял участие в массовой сцене. После этого недовольные сразу замолкли.

1903 год открыли трагедией Шекспира «Юлий Цезарь». На эту постановку положили много труда. В. И. Немирович-Данченко и художник В. А. Симов ездили в Рим. Нас, изображавших римских сенаторов, обучали, как владеть плащом, знакомили с бытом Рима времен Цезаря. По-тогдашнему пьеса имела огромный успех, но должен сказать, что театр скорее показал Рим во времена Цезаря, чем трагедию Шекспира «Юлий Цезарь». Спектакль очень сильно перегрузили мелочами, увлеклись подробностями.

Полиция недолюбливала нас. Когда тогдашнего обер-полицеймейстера Трепова спросили, почему он не ходит в Художественный театр, он ответил: «Я ходить туда не буду, там царей убивают». И при-

грозил: «Передайте им (я, я, работникам театра) — пусть поосторожатся, а то, если что не так, закрою театр».

Были слухи, что А. П. Чехов пишет для нас пьесу, но ни содержания, ни названия пьесы мы не знали. И вот пьеса пришла. Все заволновались: какал пьеса, содержание, название. Нас собрали. Приходит В. И. Немирович-Данченко, кладет авторский экземпляр пьесы и торжественно провозносит: «Вишневый сад». Владимир Иванович замечательно читал. Слушали пьесу с огромным вниманием. Раздался смех. Чтение кончилось. Пошли разговоры, споры — кому кого играть.

Распределяли роли без всяких компромиссов, не считаясь с актерским самолюбием. Так нужно для ансамбля — и разговор кончен.

Взялись за работу, увлеклись. Мне поручили роль Лопухина.

Весной приехал в Москву Чехов. Жил он тогда на Петровке, в доме Коронина, во дворе. Пришли все исполнители «Вишневого сада». Волновался я очень. Впервые увидел и услышал Чехова, автора, которого горячо любил с первого прочитанного мною его рассказа.

Как сейчас, вижу фигуру Чехова, опиромно сидящего на диване, в пенисе. Ласковые, грустные и слегка пошмивающиеся глаза. Чувствовалось, что он тебя внимательно рассматривает.

Помню, зашла у нас речь о пьесе Найденова «Дети Ванюшина». Одна из наших актрис заметила, что пьеса хорошая, но тут ничего нет мудреного, потому что Найденов написал пьесу из своей собственной жизни. Тогда Чехов лукаво, через пенисе посмотрел на нее и спросил: «А у вас в жизни бывали интересные случаи?» Она говорит: «О, да, конечно». «Ну, тогда напишите пьесу».

Работали над «Вишневым садом» долго, упорно, обращались к Чехову за разъяснениями, но ответы его были очень короткими. Муратова, игравшая губернانتку Шарлотту, спросила его — можно ли пасть зеленый галстук? Антон Павлович ответил: «Можно, но только не нужно». Или мне сказал: «Послушайте, купец Лопухин не кричит. Он же богатый, а богатые никогда не кричат». И еще сказал: «Загрипируйтесь так, чтобы сразу зритель не мог понять, кто вы — купец или профессор Московского университета».

Наконец наступила премьера. Чехов сначала решил не ехать в театр, но потом его привезли. Перед главной моей сценой в третьем действии он подсел около меня на диванчике, под часами перед вхолом на сцену, и начал успокаивать: «Зачем волноваться, все очень просто». А сам, вижу, волнуется, очень волнуется.

«На дне» Горького и «Вишневый сад» Чехова вот уже 36 лет идут на сцене Художественного театра, и современный советский зритель смотрит их с огромным интересом.

Художественный театр прожил 40 лет. На своем творческом пути он не раз увлеклся и формализмом и натурализмом. Но постоянная, неутоимая жажда совершенствования заставляла отбрасывать эту шелуху. Коллектив театра понял, что только правда, реалистическая художественная правда должна звучать со сцены. Вне правды нет советского театра, советского искусства. И сейчас театр идет верными шагами вперед и правде, чему очень помогает только разбирающийся советский зритель, которого обмануть нельзя. Выкрутисы он категорически отвергает.

В стране, где все делается во имя правды и справедливости, где за правду борется многомиллионный свободный народ, под водительством нашей партии, нашего правительства и нашего великого Сталина, нет места лжи и неправде в театре.